

Абрамова И.И.

Второе Возрождение и античность: Адам Смит об античной истории

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1987>]

[Публикация работы:]

Абрамова И.И. 2000: Второе Возрождение и античность: Адам Смит об античной истории // Антиковедение и медиевистика: сб. науч. тр. Вып. 2. / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ярославль, 46-51.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

“ВТОРОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ” И АНТИЧНОСТЬ: АДАМ СМИТ ОБ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

История античного мира занимает особое место в творчестве просветителей. Вся интеллектуальная жизнь восемнадцатого столетия проходит под знаком обращения к античности. Лозунг “возрождения” античности был выдвинут еще гуманистами. Для мыслителей Просвещения новое время стало “вторым Возрождением”. В произведениях классической античности историки Просвещения видели альтернативу христианской вере и догме, которая перестала отвечать интеллектуальным потребностям их времени. По меткому замечанию известного американского историка культуры Питера Гея, философы XVIII в. подходили к истории откровенно избирательно. Идея прогресса в истории осматривалась скорее будущее, чем прошлое. История представляла отнюдь не в виде линейного прогресса, как это принято было считать.

Существовала ритмическая закономерность в чередовании эпох: первобытность и средневековье были временем мифов, веры и суеверий, античность и новое время - периодом господства разума, науки и просвещения¹. Просветители проводили прямую связь между античностью и новым временем: подобно тому как в эпоху классической древности разум освобождался от темноты и невежества, наступало время его возрождения после многих веков засилья христианской церкви.

В культуре античного мира просветители видели черты гармоничного общества, окрашенного особым духом величия и гражданственности, благородства мыслей и поступков, в истории античных государств - идеал свободного, демократического общества, основанного на принципах разума и справедливости, своего рода готовую “политическую модель” провозглашенного ими “царства разума”. Историки Просвещения унаследовали от античности правовой подход к истории. Писатели XVIII в. подражали стилю античных авторов. Сами произведения классической литературы отчасти заняли то место, которое в средневековье принадлежало Библии: они рассматривались как непререкаемый источник фактов и сведений, не требующих критического отбора². Преподавание греческих и латинских авторов было важнейшей частью университетского образования. Выпускники университетов обладали прекрасной классической подготовкой. В первую очередь это относилось к Англии, ставшей центром классической филологии.

Вершиной просветительской мысли в историографии древнего мира стал 7-томный труд английского историка Э. Гиббона “История упадка и разруше-

¹ Gay P. The Enlightenment: An Interpretation: In 2 v. L., 1973. Vol. 1. P. 56.

² Thompson J. W. A History of Historical Writing: In 2 v. N.Y., 1942. Vol. 2. P. 79.

ния Римской империи”³ Книга пользовалась тогда огромным успехом. “Моя работа, - писал историк после выхода первого тома, - на каждом столе”⁴. Выбор темы исследования был не случаен. Тот факт, что “славный Рим” оказался не вечным, не смог уцелеть, был разрушен и это повлекло за собой целую эпоху, враждебную всякому свободомыслию, научному знанию и самому человеческому разуму, требовал философского осмысления для того, чтобы не повторять ошибок прошлого.

Обратимся к историческим взглядам одного из самых крупных представителей общественной мысли XVIII в. Адама Смита. В середине 50-х - начале 60-х гг. XVIII в. Смит был профессором нравственной философии университета города Глазго. Джон Миллар, известный юрист и историк XVIII в., который, будучи студентом, слушал лекции Смита, писал: “Его репутация была чрезвычайно высока. Предметы, которые он преподавал, становились модными, а его мнения были главными темами дискуссий в клубах и литературных обществах”⁵ Только в 1876 г. английский ученый Эдвин Кэннан обнаружил и опубликовал (в 1896 г.) лекции по истории государства и права, которые читал Смит⁶ А в 1961 г. другой английский ученый, Джон Лоттиан, объявил о новом открытии: при распродаже библиотеки помещичьего дома в г. Эбердине он приобрел рукописи, среди которых оказались лекции по риторике и письму, а также другой, более полный вариант лекций Адама Смита по юриспруденции. Их относят к 1762 – 1763 гг.⁷ Эти источники еще не стали предметом специального исследования историков. Для изучения исторических воззрений Смита особый интерес представляют пять лекций, посвященных истории исторической науки, которые по существу представляют собой первую в то время попытку самостоятельного историографического сочинения. Их большая часть посвящена историкам древней Греции и Рима⁸

Без преувеличения можно сказать, что Смит был страстным приверженцем классики. Все биографы мыслителя отмечают эту его постоянную черту: он читал древних всю жизнь и получал от чтения произведений античных авторов истинное наслаждение и удовольствие. Смит сам признавался в своей приверженности классической литературе, когда писал о том, что “лучшим раз-

³ Gibbon E. The Decline and Fall of Roman Empire: In 7 v. L., 1782-1787.

⁴ Gibbon E. The Autobiographies of E. Gibbon / Ed. by J.Murray. L., 1896. P. 175.

⁵ Steward D. An Account of the Life and Writings of Adam Smith // Adam Smith. Essays on Philosophical Subjects. Oxford, 1980.

⁶ Smith A. Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms. Delivered in the University of Glasgo by A. Smith, Reported by a student in 1763 and Ed. with an Introduction and Notes by Ed.Cannan. Oxford, 1896.

⁷ Smith A. Lectures on Jurisprudence. Oxford, 1978 (The Glasgo Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith: In 6 v. Oxford, 1976 - 1983); Smith A. Lectures on Rhetoric and Belles Letters. Oxford, 1983 (Ibid.).

⁸ Smith A. Lectures on Rhetoric and Bells Letters. Lectures 16 - 20.

влечением с годами становится перечитывать тех писателей, которыми ты восхищался в юности”⁹ В Оксфордском университете Смит получил прекрасное классическое образование (заметим, что Гиббон также закончил Оксфордский университет). По свидетельству Д. Стюарта, в тот период Смит с величайшим старанием изучал языки, как древние, так и новые, и достиг в этом больших успехов. Свои знания, отмечает биограф, он использовал не для “бесполезного пустословия и демонстрации своей эрудиции, а для того, чтобы как можно ближе познакомиться со всем, что могло дать сведения об институтах, обычаях и идеях различных народов в различные эпохи”¹⁰.

Обширные познания Смита в греческой и римской литературе отмечают все, кто знал ученого. Э. Гиббон в своей знаменитой “Истории”, когда писал о плохом снабжении древнего Рима, сослался на “Богатство народов” Смита и при этом добавил: “Я рад сослаться на эту работу мудреца и моего друга”. Смит и Гиббон познакомились в 1775 г. в Лондоне в Литературном клубе, членами которого они были избраны, и впоследствии стали близкими друзьями¹¹ Джон Миллар, известный в свое время профессор права в Глазговском университете, слушавший лекции Смита, говорил о том, что Смит высказывал намерение написать трактат о республиках Греции и Рима. Точка зрения Смита на многие вопросы, касающиеся этих народов, по мнению Джона Миллара, значительно отличалась от всего того, что было написано¹².

Знакомство с работами ученого убеждает нас в том, что его знание источников не уступает лучшим образцам современной ему историографии. Он обращается к произведениям широкого круга авторов. Среди них поэты: Антилох, Стесихор, Семонид, Сапфо, Анакреонт; философы: Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Перменид, Ксенофан, Платон, Аристотель, Сократ, Эпикур, Гераклит, Пифагор, Декарт. Смит обнаруживает прекрасное знание римского права, экономики и торговли в древности. Он оперирует значительным историческим материалом, обращаясь к сочинениям Гомера, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Полибия, Тита Ливия, Тацита, Цицерона, Цезаря, Саллюстия, Дионисия Галикарнакского, Плиния Старшего, Светония, Плутарха и др.

Произведения античных писателей Смит использует как исторический источник, черпая из них массу примеров; к классической литературе он обращается для подтверждения своих выводов. Такие замечания, как: “Плиний рассказывает”, “из писем Цицерона мы узнаем”, “как говорил Гомер” и т.п. - часто сопровождают собственные рассуждения писателя. Влияние античной литературы на формирование мировоззрения мыслителя несомненно. По мнению П. Гей, лекции Смита по риторике и литературе, а тем более по этике характе-

⁹ Smith A. Lectures on Rhetoric and Bells Letters. Lectures 16 - 20. P. 14.

¹⁰ Steward D. Op. cit. P. 271.

¹¹ Thompson J.W. Op. cit. P. 79.

¹² Stewart D. Op cit. P. 295.

ризуют его “римским эклектиком в современном одеянии”¹³. Такое утверждение, несомненно, является преувеличением. Анализ исторических воззрений Смита показал, что, используя обширную источниковедческую базу, он выработал собственную оригинальную концепцию.

Смит был одним из первых, кто разрабатывал новую область исторического знания - историографию античной истории. Одну из своих лекций он так и назвал - “история историков”. Он высказывает собственную позицию в отношении античных писателей, часто отличную от утвердившихся представлений.

Философ оценивает научные достижения античных историков с просветительских позиций. Ключевой для его подхода может стать фраза из “Богатства народов”, где Смит написал: “Наука - является великим противоядием против отравы суеверия и фанатизма”¹⁴. Развитие исторической науки, по мнению Смита, представляло собой длительный процесс освобождения от чудесных выдумок, легенд и мифических описаний: у грубых народов были распространены истории о ведьмах и фуриях, с развитием знаний пришли мифические описания героев, кентавров и различных монстров. Вот почему первые историки, такие как Гомер, были поэтами, а не учеными. Впервые, считал Смит, попытку систематизировать исторические знания, “представить план истории” предпринял Геродот. Однако, хотя у Геродота и нет стольких чудес и легенд, как у его предшественников, все же они еще присутствуют в большом количестве. История у Геродота еще не приобрела научного характера: ее целью является в большей степени развлекать читателя, нежели его учить. “Мы можем узнать у Геродота многие обычаи различных народов, - пишет Смит, - но не найдем у него причин тех событий, которые он описывает”¹⁵. Только Фукидид, считает Смит, в истории Пелопонесской войны достиг того, чего не удавалось всем предшествующим историкам. Именно Фукидид он считает лучшим античным историком, “первым, кто изгнал легенды и предпочел им факты” и продемонстрировал, каким должно быть историческое сочинение: “... он расположил самым правдивым образом различные события этой войны, показал причины, которые их вызвали, чтобы потомки могли знать, как произвести одни похожие события или предотвратить другие, и знали, что ожидать в том или ином случае”¹⁶. В этом, на взгляд Смита, и состоит основная задача историка: он “развертывает перед нами наиболее интересные и важные события человеческой жизни, подчеркивает причины, которыми эти события были вызваны, и

¹³ Gay P. Op. cit. V. 1. P. 54.

¹⁴ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Oxford, 1976. P. 796.

¹⁵ Smith A. Lectures on Rhetoric and Bells Letters. P. 106.

¹⁶ Ibidem.

таким образом показывает нам, как мы можем получить похожие хорошие результаты или избежать плохих”¹⁷

В такой оценке античной историографии ясно обозначился “философский” подход к истории, на котором настаивали просветители. В исторической науке XVIII в. существовало два основных направления: “интерпретаторы”, или “философы”, и “эрудиты”, или “антикварное направление”. Свою главную задачу “историки-эрудиты” видели в сборе и публикации документов. Они вырабатывали ценную традицию документального исследования. Но “философы” не признавали их заслуг. Они называли их “учеными идиотами”¹⁸ Выступление просветителей против детального, скрупулезного анализа фактов не означало того, что они отрицали значение достоверности фактов, использование только точных, проверенных данных. Требование изучать только “чистую правду” было традиционным “общим местом” в историографии начиная с древности. Точности факта Смит придавал не меньшее значение, чем историки-антиквары, но он не считал необходимым включать в исторические исследования “диссертации об истинности факта” Он полагал, что уже то, что приводятся какие-то доказательства истинности факта, заставляет думать, что существо дела в чем-то сомнительно. Так что лучше просто описать факты, чем приводить какие-то длинные доказательства¹⁹

Главным в этом споре было то, что просветители настаивали на философском осмыслении исторических событий. “Если философы не всегда являются историками, хотелось бы, чтобы хотя бы историки были философами”²⁰, - писал Гиббон. Выступление просветителей против эрудитов было не чем иным, как стремлением преодолеть взгляд на историю как на простое собирание фактов, превратить историю в научную дисциплину. Одна из “наук о человеке” должна была быть, возможно, менее точной, чем физические науки, но не менее научной.

Однако, писал М.А. Барг, мы совершим непоправимую ошибку, если истолкуем эту цель как раскрытие “смысла событий”, взятых сами по себе, в их объективном значении. Отнюдь нет. Исторический процесс оборачивался к мыслителям Просвещения главным образом своей субъективной стороной²¹. Если человеческая природа неизменна, рассуждали философы, неизменны и поступки, и поведение человека. Важность и значение истории в том и состояла, чтобы выводить из нее уроки моральной и политической значимости. История - учитель морали и политики. Такой взгляд на цель исторического сочинения был

¹⁷ Smith A. Lectures on Rhetoric and Bells Letters. P. 90.

¹⁸ Gay P. Op. cit. V. 2. P. 376.

¹⁹ Smith A. Lectures on Rhetoric. P. 102.

²⁰ Gay P. Op. cit. V. 2. P. 376.

²¹ Барг М.А. Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 306.

общепризнанным. И это представление было унаследовано от древних: история всегда была призвана учить морали и добродетели.

Так же как и для других просветителей, для Смита главная цель исторического исследования - научить, а история античности - хранитель опыта прошлого. Но если “философы” обращали внимание прежде всего на индивидуальный опыт выдающихся государственных деятелей, то для Смита первостепенное значение приобретает “исследование жизни целых обществ” и тех обстоятельств, которые влияют на перемены в сознании и поведении людей. “Описание характеров, - пишет Смит, - не является непосредственной задачей историка”²². Писателем, который наиболее отчетливо выразил причины событий, он считает Фукидиду, у которого вообще нет описаний характеров. “Но ему удалось, - пишет ученый, - создать прекрасное описание целых обществ, как, например, афинян, что является несомненно более сложным делом, чем описание отдельных лиц”. Поэтому другим выдающимся античным историком Смит считает Тацита, который “всегда ищет причины событий и битв в обстоятельствах, которые влияют на ум солдата”²³

Анализ социальных отношений и экономических факторов, влияющих на эволюцию античного общества, ляжет в основу собственной исторической концепции мыслителя, которая будет опираться на утверждение о том, что “власть следует за собственностью”²⁴. В лекциях по истории государства и права в древнем мире Смит пришел к выводу о значении торговой и промышленной деятельности людей, о ее влиянии на изменения в характере власти. Следующие десять лет своей жизни он целиком посвятит себя работе над своеобразным руководством для политических деятелей по управлению государством, которое получит название “исследование о природе и причинах богатства народов” и принесет ученому мировую известность как создателю системы политической экономии.

²² Smith A. Lectures on Rhetoric... P. 94.

²³ Ibid. P. 272.

²⁴ Lectures on Jurisprudence. P. 224.